

ное учение станет вскорости одной из самых однозных ересей. Как один из источников и составных частей алхимии гностицизм есть прежде всего разрешение проблемы мирового зла. Если ветхозаветный змей — чистое зло, то гностический *Уроборос* — единение добра и зла. Змеинный яд — и яд, и лекарство. Если, согласно *Марии-еврейке*, «ртуть — яд всех вещей», то по *Стефану-Александрийцу*, та же ртуть — «огненное лекарство».

Именно здесь начинается практическая, ритуальная жизнь гностицизма, когда оргиазм гносиса — единственная форма сектантского аскетизма. Умерщвление плоти путем ее буйного кратковременного торжества, магия и мистика одновременно. Путь к действительному познанию, осуществляемому всей полнотой чувств и разума. Это скорее интуитивно-мистическое познание, нежели логическое. Египетские, ассиро-вавилонские (халдейские), кабалистически-иудантские, зороастрические и греческие влияния исторически достоверней включить именно в гностицизм: и лишь потом — через гносис — в алхимию¹⁰.

Но только в оппозиции к становящемуся христианству как мировой религии гностицизм обрел свой карикатурно-пародирующий смысл. Чрезмерность гностического оргиазма противопоставляла себя религиозной умеренности христианского канона. Страдание и любовь в христианстве предстали антиподом гностическому преодолению зла злом посредством разгула полнокровно живущей плоти — ее умерщвления. Если умеренный темперамент христианской религиозности опирался на последовательный монотеизм иудаизма и греческий стоицизм, то гностицизм искал себе опоры в позднеэллинистических вакханалиях мистического тайновидения. Но лишенное практической определенности конкретного дела, учение о гносисе так бы и осталось лишь уделом сектантов, если бы не алхимия — материальный пародийный парафраз христианской духовности. Золотоподобные имитации древних папирусных сводов стали алхимическим космосустроением, питаемым рациональными соками аристотелизма, возвышаемым до вершин неоплатонического *Единого* и эмоционально возбуждаемым тайновидческим гностическим экстазом. Дьявольская тинкториальная гамма летаргических — на тысячу лет — алхимических сновидений. Алхимическое целеполагание обращено к демиургу — не к богу; мастеру своего дела на этой земле. Если рецепт христианского спасения — отказ от плоти, «царство не от мира сего», то в алхимии торжествует именно плоть (хотя и возвышенная).

Философский камень — всеильный инструмент в руках богоподобного алхимика; мирское подобие божеского всеислия во имя мирских упований.

¹⁰ Ветхозаветные персонажи — отцы алхимии. Металлопланетная символика вавилонян и астральные уподобления; древнеегипетские алхимические реминисценции; кабуализированная арифметика в алхимии; древнегреческое золото-сереброимитационное мастерство. Все это и в самом деле составляет генозис алхимического искусства (Lindsay, 1970).